

International Conference on Turkic Languages Processing (TURKLANG)

Именное сочинение в татарских послеложных конструкциях и падежное варьирование

Е.А. Лютикова^{a,b}, А.А. Герасимова^{a,b} ¹

*a МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия
b Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, Москва, 117485, Россия*

Аннотация

В статье строится формальная модель для варьирования падежного оформления в татарских послеложных конструкциях с сочиненными именными группами. В татарских послеложных конструкциях выбор падежной формы зависимой именной синтагмы определяется ее морфолого-сintаксическим классом. Причем для послелогов, синхронно связанных с существительными, способы маркирования местоименного дополнения оказывают влияние на оформление самой послеложной группы – выбор непрятяжательной формы послелога или притяжательного согласования. Исследование сочиненных именных групп позволяет установить синтаксические механизмы, которые определяют два названных варьирования. В частности, случаи, когда два аргумента сочинения принадлежат различным морфолого-сintаксическим классам, дают возможность установить связь между выбором падежного маркирования конъюнктов и выбором притяжательного согласования для послелога.

Для исследования взаимодействия двух типов варьирования было проведено два лингвистических эксперимента. В эксперименте 1 респонденты заполняли пропуски в предложениях, выбирая наиболее естественную форму составляющих послеложной конструкции. В эксперименте 2 респонденты оценивали предложения с различными конфигурациями послеложных конструкций по шкале Ликерта от 1 до 5. Результаты экспериментов показывают, что первый аргумент сочиненной конструкции демонстрирует явную тенденцию к употреблению в немаркированной форме. Тем не менее, если первым аргументом является личное местоимение 1-2 лица, в половине случаев носители выбирают для него форму генитива. Кроме того, носители отдают предпочтение притяжательному согласованию по 3 лицу, вне зависимости от того,

1

* Corresponding author. E-mail address: lyutikova2008@gmail.com

демонстрирует ли значение 3 лица один из конъюнктов, что позволяет говорить о выборе дефолтной модели согласования.

Экспериментальные данные выявляют целый ряд синтаксических свойств, которые объединяют послеложные конструкции с именными изафетными конструкциями. В частности, корреляция между выбором генитива зависимого и согласуемой притяжательной формой послелога, с одной стороны, и выбором немаркированной формы зависимого и несогласуемой притяжательной формой, с другой стороны, отражает противопоставление изафетных конструкций 3 и 2, соответственно. Таким образом, процесс грамматикализации послеложных слов еще не завершен. Полученные результаты позволяют охарактеризовать вариативность в синхронном срезе языка, а также предоставляют материал для усовершенствования систем морфологической и синтаксической обработки текстов на татарском, чтобы они наиболее полно охватывали актуальное языковое поведение носителей.

Keywords: послеложная группа; дифференцированное маркирование аргумента; падеж; согласование; сочинение; татарский язык; экспериментальный синтаксис.

1. Введение

В последние годы отмечается существенный рост интереса описательной и теоретической лингвистики к проблеме согласования с сочиненными конструкциями (см., например, (Bošković, 2009, 2010; Willim, 2012; Franks, Willer-Gold, 2014; Marušić, Nevins, Badecker, 2015; Nevins, Weisser, 2018, Citko, 2018)). Известно, что выбор согласовательной модели определяется многими факторами, среди которых, в частности, тип мишени согласования (глагол, адъектив, имя), препозиция / постпозиция мишени согласования по отношению к контролеру, линейное расстояние между контролером и мишенью, тип сочинения (симметричное / асимметричное). Выделяются следующие формальные типы согласования: разрешающее (*resolved*) согласование — по признакам сочиненной конструкции (*Петя и Маша пришли* (мн.ч.), *я и ты придем* (1-е л. мн.ч.)), по признакам первого конъюнкта, по признакам последнего конъюнкта²¹. Предполагается также возможность более сложных иерархий не только для вычисления признаков при разрешающем согласовании (1-е + 2-е лицо = 1-е лицо, мужск. род + женск. род = мужск. род), но и для

²¹ В (Nevins, Weisser, 2018) высказывается идея, что по меньшей мере часть случаев согласования с первым или последним конъюнктом в действительности представляют собой согласование с ближайшим конъюнктом, что может быть установлено, если позиция мишени не фиксирована относительно контролера грамматическими правилами.

выбора контролера согласования (например, контролером оказывается конъюнкт с более маркированным признаком лица: *я и он / он и я приду*).

В этой статье мы предполагаем исследовать татарскую симметричную сочиненную конструкцию с союзом *һәм* ‘и’ в контексте послеложной группы. Своеобразие послеложной конструкции в татарском языке состоит в том, что имена разных морфолого-сintаксических классов выступают в послеложной конструкции в разных падежных формах: личные местоимения — в форме генитива, а существительные — в форме номинатива (основного падежа). В этой связи, если конъюнкты относятся к разным грамматическим разрядам, возникает проблема разрешения падежного конфликта в сочиненной конструкции: получает ли вся конструкция единое падежное оформление, или соответствующим падежом оформляется каждый компонент сочиненной конструкции. Дополнительные сложности возникают, если послеложную конструкцию образуют послеложные слова, имеющие позицию для согласования с зависимым именем. Выбор контролера согласования предположительно должен коррелировать со способом разрешения падежного конфликта. Таким образом, мы имеем возможность не только изучить согласование с сочиненной конструкцией в нетривиальном для данной проблематики контексте — послеложной группе, но и установить связь между внутренней структурой конструкции (единое падежное оформление / собственный падеж у каждого конъюнкта) и согласованием.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 2 мы описываем основные характеристики послеложных конструкций татарского языка. В разделе 3 представлены результаты двух экспериментов, в которых при помощи разных методик исследовался выбор стратегии оформления послеложной конструкции носителями татарского языка. В разделе 4 подводятся итоги обсуждения.

2. Послеложные конструкции в татарском языке

Послеложные конструкции в татарском языке образует гетерогенная категория лексических единиц, в разной степени грамматикализованных в качестве функциональных. Татарская грамматика (Закиев, 1993: 309; Закиев 1995: 47) выделяет собственно послелоги и послеложные слова, которые «...отличаются от послелогов тем, что имеют живые словообразовательные отношения и лексико-семантические связи с знаменательными частями речи...». Соответственно, послеложные слова имеют знаменательный эквивалент, обладающий лексическим значением: «В предложении Язу өстенәд өзак утырды ‘Долго сидел над письмом’ өстенәд — послеложное слово; в

предложении *Су ёстенда кёйма йөзә ‘Лодка плывет на поверхности воды’* то же самое *ёстенда* — имя существительное» (Закиев 1993: 11).

Послелоги и послеложные слова управляют именной группой в определенной падежной форме. Так, например, послелог *таба(н)* ‘к’ и послеложное слово *күрә* ‘ввиду, из-за, по’ управляют дативом, а послелоги *башка* ‘кроме’ и *соң* ‘после’ — аблативом.

Большой класс послелогов и послеложных слов употребляются с именной группой в немаркированной форме, совпадающей с номинативом (татар. *баш килеш*) — падежом подлежащего. В этот класс входят как собственно послелоги, например, *белән* ‘с’, *өчен* ‘для’, так и послеложные слова, соотносимые с существительными с локативным или абстректным значением, например, *ёстенда* ‘над’ (ср. *өс* ‘верх’), *янына* ‘рядом, к’ (ср. *ян* ‘бок’), *урыйында* ‘вместо’ (ср. *урын* ‘место’), *ярдаменда* ‘благодаря’ (ср. *ярдәм* ‘помощь’). Зачастую послеложные слова образуют группы, объединенные общей основой и различающиеся падежными аффиксами, напр. *янына* ‘к’ (датив), *янында* ‘около’ (локатив), *яныннан* ‘мимо’ (аблатив); *артына* ‘за, вслед’ (датив), *артында* ‘за, позади’ (локатив), *артыннан* ‘из-за’ (аблатив).

Татарская грамматика (Закиев, 1993: 253) указывает, что с послелогами и послеложными словами этого класса местоимения-существительные используются в форме генитива. Таким образом, в послеложной конструкции возникает падежное варьирование: именные группы на основе существительного (или субстантивированного атрибута, отглагольной номинализации и т.п.) демонстрируют немаркированную форму, в то время как местоимения-существительные — форму генитива: «... *аның белән* (*абын белән*) *әшилгәү* ‘делать с ним (с братом)’, *аның өчен* (*дустым өчен*) *тырышу* ‘стараться ради него (друга)’». К местоимениям-существительным Татарская грамматика относит личные местоимения 1-2 лица мин ‘я’, *син* ‘ты’, *без* ‘мы’, *сез* ‘вы’, местоимения 3 лица *ул* ‘он’ и *алар* ‘оны’, возвратное местоимение *уз* ‘сам’, вопросительные местоимения *кем* ‘кто’, *нәрсә* ‘что’, а также образованные на основе вопросительных местоимений серии неопределенных и универсальных местоимений. Дифференцированное маркирование дополнения в послеложной конструкции, таким образом, лицензируется формальным фактором — его морфосинтаксической категорией.

Отличие личных местоимений от прочих субстантивов проявляется также в том, что послеложные слова демонстрируют лично-числовое (притяжательное) согласование с генитивным местоименным дополнением. В примерах (1a-b) показаны согласованные по лицу и числу с местоименным дополнением формы послелога *алдында* ‘перед’; в (1c) — тот же послелог в дефолтной форме 3 лица.

- (1) a. *Юк, сез-нең минем алд-ым-да*
 нет вы-GEN я. GEN перед-1SG-LOC
 бер гаеб-егез дә юк.
 один вина-2PL ЕМРН нет
 ‘Нет, вы передо мной ни в чем не виноваты.’ [ТТ]³¹
- b. *Әфәнде-ләр, хәзәр мин сез-нең алд-ыгыз-да*
 господин-PL сейчас я вы-GEN перед-2PL-LOC
 бик зур эш ача-чак-мын.
 очень большой дело открывать-FUT-1SG
 ‘Господа, сейчас я открою вам (=перед вами) одну очень
 важную вещь.’ [ТТ]
- c. *Кыз-лар алд-ын-да ясалма*
 девушка-PL перед-3-LOC искусственно
 йөр-гән-не ярат-м-ый-м.
 ходить-PART-ACC любить-NEG-PRS-1SG
 ‘Не люблю выпендриваться (= лживоходить) перед
 девушками.’ [ТТ]

Причиной вариативной структуры конструкций с послеложными словами является, безусловно, их диахронический источник. Послеложная конструкция представляет собой результат грамматикализации именной синтагмы, возглавляемой локативным или абстрактным существительным в одной из падежных форм. Зависимое в послеложной конструкции, соответственно, является приименным зависимым и образует с вершиной посессивную конструкцию.

Посессивная конструкция в татарском языке также демонстрирует дифференцированное маркирование аргумента-посессора. Традиционная грамматика выделяет два типа посессивных конструкций — изафетную конструкцию 2 и изафетную конструкцию 3⁴¹. В изафетной конструкции 2 зависимое выступает в немаркированной форме, вершина несет на себе изафетный (посессивный) показатель (2a). В изафетной конструкции 3

3

¹ Примеры с пометой [ТТ] получены из Татарского национального корпуса «Туган тел» (<http://www.tugantel.tatar/>).

4

¹ В изафетной конструкции 1, образованной соположением двух существительных (*tai* ‘орт’ ‘каменный дом’), зависимое не может ветвиться, присоединять показатели числа и принадлежности, то есть является вершиной. Ее свойства нерелевантны для обсуждения послеложной конструкции.

зависимое имеет форму генитива, вершина несет на себе изафетный показатель (2b).

- (2) a. *уқычы* *дәфтәр-е*
 ученик тетрадь-3
 ‘ученическая тетрадь, тетрадь ученика’
- b. *уқычы-ның* *дәфтәр-е*
 ученик-GEN тетрадь-3
 ‘тетрадь ученика’

Татарская грамматика (Закиев, 1993: 32-37) отмечает, что местоимения-существительные образуют только изафетную конструкцию 3, но не 2, ср. (3a-b); если посессором выступают местоимения 1-2 лица, в разговорной речи возможно опущение изафетного показателя в изафетной конструкции 3 (3c). Структуры, в которых изафетный показатель на вершине возникает в отсутствие выраженного генитивного посессора, естественно рассматривать как изафетную конструкцию 3, в которой в позиции посессора находится нулевое местоимение *pro* соответствующего лица и числа, контролирующее согласование изафетного показателя (3d).

- (3) a. *без-нең* *мәктәб-ебез*
 мы-GEN школа-1PL
 ‘наша школа’
- b. * *без* *мәктәб-ебез*
 мы школа-1PL
- c. *без-нең* *мәктәп*
 мы-GEN школа
 ‘наша школа’
- d. *[pro]* *мәктәб-ебез*
 pro.1PL.GEN школа-1PL
 ‘наша школа’

Еще один класс посессоров, которые возможны только в изафетной конструкции 3, но не 2, — это именные группы, сами представляющие собой изафетную конструкцию 3. Это, во-первых, собственно посессивные конструкции, такие как в (3), а также субстантивированные кванторные и атрибутивные конструкции, такие как в (4):

- (4) a. *(а-лар-ның)* *куб-есе*

	ОН-PL-GEN	много-3
	‘многие из них’	
b.	(без-нен)	ин ақыл-лы-быз
	мы-GEN	самый ум-АТР-1PL
	‘самый умный из нас’	
c.	кыз-лар-ның	кайсы-сы
	девушка-PL-GEN	который-3
	‘которая из девушек’	

Остальные типы именных групп могут быть зависимыми в обеих изафетных конструкциях. Выбор между генитивом и немаркированной формой определяется как определенностью зависимой именной группы, так и семантическим отношением между вершиной и зависимым. Так, например, имена собственные обычно выступают в изафетной конструкции 3 (*Марат**(-ның) *ата-сы* ‘отец Марата’), однако при обозначении наименования используется изафетная конструкция 2 (*Марат урам-ы* ‘улица Марата’).

В (Pereltsvaig, Lyutikova, 2014; Лютикова, Перельцвайг, 2015; Lyutikova, Pereltsvaig, 2015; Lyutikova, 2017) показано, что различия между двумя конструкциями не сводятся к падежному оформлению, но затрагивают различные характеристики посессоров — их структурную позицию в именной группе, их собственный категориальный статус, возможные интерпретации и способность к выражению различных тематических отношений с именной вершиной. Указанные кластеры свойств возникают не случайно, но выводятся из категориального статуса именной группы-посессора. DP-посессоры насыщают аргументные позиции, выражают тематические отношения, получают конкретно-референтную или обобщенно-кванторную интерпретацию, получают падеж, контролируют посессивное согласование показателя изафета и располагаются в крайней левой позиции в именной группе (Spec, DP). Посессоры малой структуры вводятся особой функциональной вершиной Poss, выражают широкий спектр отношений между двумя именными группами, уточняемых на основе энциклопедических знаний, имеют предикатную интерпретацию, не нуждаются в падеже, неспособны контролировать посессивное согласование и располагаются в своей базовой позиции, правее атрибутивных модификаторов (Spec, PossP). Таким образом, дифференцированное маркирование посессора в татарском языке существенно отличается от дифференцированного маркирования дополнения послелога: в послеложной конструкции генитивом оформляются только местоимения-существительные, в то время как в посессивной конструкции — любые именные составляющие, имеющие статус DP, в том числе — изафетная

конструкция 3, имена собственные, другие определенные именные группы. Ср. примеры в (5)-(6), демонстрирующие послеложные группы, и (7) с именными группами.

- (5) a. *минем / *мин өчен*
я.GEN / я для
'для меня'
- b. *ата-м / *ата-м-ның өчен*
отец-1SG / отец-1SG-GEN для
'для моего отца'
- c. *Марат / *Марат-ның өчен*
Марат / Марат-GEN для
'для Марата'
- (6) a. *минем / *мин урын-ым-да*
я.GEN / я вместо-1SG-LOC
'вместо меня'
- b. *ата-м / *ата-м-ның урын-ын-да*
отец-1SG / отец-1SG-GEN вместо-3-LOC
'вместо моего отца'
- c. *Марат / *Марат-ның урын-ын-да*
Марат / Марат-GEN вместо-3-LOC
'вместо Марата'
- (7) a. *минем / *мин мәктәб-ем-да*
я.GEN / я школа-1SG-LOC
'в моей школе'
- b. **ата-м / ата-м-ның мәктәб-ен-да*
отец-1SG / отец-1SG-GEN школа-3-LOC
'в школе моего отца'
- c. **Марат / Марат-ның мәктәб-ен-да*
Марат / Марат-GEN школа-3-LOC
'в школе Марата'

Таким образом, послелоги и послеложные слова, присоединяющие именные группы в немаркированной форме или генитиве, могут стать источником особенно интересного материала для изучения вариативности в оформлении сочиненной конструкции. Во-первых, грамматические свойства конструкции включают в себя выбор между генитивным или немаркированным оформлением зависимой именной группы. Во-вторых, сосуществование в языке послеложных слов и омонимичных им существительных, деривационная связь

между которыми, по свидетельству авторов Татарской грамматики, ощущается носителями татарского языка, позволяет предположить, что способы оформления именной синтагмы будут оказывать влияние и на оформление послеложной группы. Случай, когда два аргумента сочинения принадлежат различным морфолого-сintаксическим классам, дают возможность установить связь между выбором падежного маркирования конъюнктов и выбором притяжательного согласования для послелога.

Для проверки этих предположений было проведено экспериментальное исследование управления послелогов и послеложных слов с сочиненной конструкцией в качестве аргумента. В следующем разделе мы опишем эксперименты и полученные нами результаты.

3. Экспериментальное исследование

Для исследования оформления послеложной конструкции с сочиненной группой в качестве аргумента было проведено два лингвистических эксперимента. В первом эксперименте респонденты заполняли пропуски в предложениях, выбирая наиболее естественную форму составляющих послеложной конструкции. Зависимое и послелог находились в скобках в словарной форме (8). В этом эксперименте мы изучали конструкции с сочинением имени собственного и личного местоимения первого лица (пр. мин *həm Marat* ‘я и Марат’). Дизайн эксперимента подразумевал два фактора: фактор «ТИП ВЕРШИНЫ В ПОСЛЕЛОЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ» (два уровня: послелоги и послеложные слова), а также фактор «ПОРЯДОК КОНЬЮНКТОВ В СОЧИНЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ» (2 уровня: личное местоимение предшествует имени собственному или следует за ним).

(8) Танылган жырчы (син *həm* Әхмет, янәшәсендә) _____
утырды.

‘Известный певец сидел рядом с тобой и Ахметом.’

В эксперименте участвовало 109 респондентов (средний возраст 23; SD = 7; мин. возраст 17, макс. возраст 61; 85 женщин и 23 мужчины). Чтобы установить уровень владения татарским языком перед началом эксперимента мы просили респондентов ответить на вопросы социолингвистической анкеты. Данные анкетирования показали, что 90 из 109 респондентов родились и проживают в Республике Татарстан и ежедневно общаются по-татарски в семье и в месте учебы или работы.

Результаты эксперимента на заполнение пропусков были обработаны с помощью логлинейного анализа, который показал значимое взаимодействие экспериментальных факторов ($p = 0,001$). Результаты эксперимента показывают, что в подавляющем большинстве случаев имя собственное имеет немаркированную форму вне зависимости от позиции относительно личного местоимения. При этом личное местоимение значимо часто маркируется генитивом, также вне зависимости от своей позиции в сочиненной конструкции. Ситуация, в которой имя собственное получает генитив, а личное местоимение имеет немаркированную форму, практически недопустима, при этом маркирование двух конъюнктов генитивом возможно.

Таблица 1. Результаты эксперимента на порождение.

	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
<i>Марат и я</i>	41	335	0	13
<i>я и Марат</i>	180	7	142	25

Таблица 2. Результаты эксперимента на порождение для послелогов без позиции для лично-числового согласования.

	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
<i>Марат и я</i>	19	179	0	0
<i>я и Марат</i>	116	0	39	0

Таблица 3. Результаты эксперимента на порождение для послеложных слов.

<i>Марат и я</i>	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
без согласования	1	36	0	3
контроль со стороны первого конъюнкта / дефолтное согласование	21	111	0	9
контроль со стороны второго конъюнкта	0	7	0	1
контроль со стороны сочиненной конструкции	0	2	0	0
<i>я и Марат</i>	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
без согласования	0	0	0	0
контроль со стороны первого конъюнкта / дефолтное	0	0	0	0

согласование				
контроль со стороны второго конъюнкта	64	7	102	25
контроль со стороны сочиненной конструкции	0	0	1	0

Экспериментальные данные для послеложных слов позволяют утверждать, что носители чаще всего выбирают притяжательное согласование по 3 лицу. Эта форма, с одной стороны, может означать контроль со стороны имени собственного, а с другой – выбор стратегии дефолтного согласования. Чтобы разрешить данную омонимию, а также подробнее выяснить предпочтения носителей татарского языка мы провели второй эксперимент, в котором наравне с рассмотренными сочиненными конструкциями были исследованы сочиненные конструкциями с двумя личными местоимениями.

Во втором эксперименте респонденты оценивали предложения с различными конфигурациями послеложных конструкций по шкале Ликерта от 1 до 5. В этом эксперименте к конструкциям с сочинением из первого эксперимента мы добавили конструкции с сочинением двух личных местоимений (*мин һәм син* ‘я и ты’), причем эти конструкции использовались только с послеложными словами. Также добавился фактор «ПАДЕЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ» (4 уровня: оба конъюнкта маркованы генитивом; оба конъюнкта маркованы номинативом; первый конъюнкт маркован генитивом, второй – номинативом; первый конъюнкт маркован номинативом, второй – генитивом). Кроме того, на каждое послеложное слово теперь приходилось до четырех форм: непрятяжательная, притяжательная согласуемая для субстантивов с граммемой 1-2 лица единственного, непрятяжательная несогласуемая, притяжательная согласуемая для субстантивов с граммемой 1 лица множественного числа (в случае контроля согласования со стороны сочинительной конструкции). В эксперименте участвовало 38 респондентов (средний возраст 24; SD = 8; мин. возраст 17, макс. возраст 62; 30 женщин и 8 мужчин); из них 31 респондент участвовал также в первом эксперименте.

Результаты эксперимента показывают, что в случае конструкции с именем собственным и личным местоимением при послелогах наиболее высокие оценки получают стратегии маркирования, при которых имя собственное имеет немаркованную форму, а личное местоимение либо также имеет немаркованную форму, либо демонстрирует форму генитива (*t-критерий Стьюдента*, $p << 0,001$). В случае послеложных слов наибольшие оценки получает стратегия, при которой имя собственное имеет немаркованную форму, а личное местоимение – форму генитива.

Для сочиненных конструкций с двумя личными местоимениями наиболее предпочтительной оказалась стратегия падежного маркирования, при которой оба местоимения получают генитив. При этом различные варианты лично-числового согласования имеют равный уровень приемлемости: так, равно допустимы отсутствие согласования, согласование по третьему лицу, согласование с первым конъюнктом и согласование с сочиненной конструкцией. Обратим внимание, что наименее приемлемым оказалось согласование со вторым конъюнктом. Это наблюдение позволяет по-новому интерпретировать результаты эксперимента на порождение. Получается, порядок конъюнктов оказывается значимым для выбора контроллера согласования: носители отдают предпочтение согласованию с первым конъюнктом. Следовательно, видимый контроль согласования со стороны второго конъюнкта для сочиненных конструкций с именем собственным и личным местоимением на самом деле является реализацией дефолтного согласования по третьему лицу. Таким образом, результаты двух экспериментов позволяют заключить, что носители отдают предпочтение притяжательному согласованию по третьему лицу, вне зависимости от того, демонстрирует ли значение третьего лица один из конъюнктов, что говорит о выборе дефолтной модели согласования.

Таблица 4. Результаты эксперимента на оценку для сочинения имени собственного и личного местоимений (ненормализованные и нормализованные оценки).

		NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
Послелоги без позиции для лично-числового согласования	<i>Марат и я</i> <i>я и Марат</i>	1,5 3,05	1,32 3,11	3,84 2,11	2,08 1,84
Послеложные слова	<i>Марат и я</i> <i>я и Марат</i>	2,18 1,84	1,82 1,84	2,58 2,21	1,95 1,79
Послелоги без позиции для лично-числового согласования	<i>Марат и я</i> <i>я и Марат</i>	-0,7 0,38	-0,79 0,45	0,86 -0,21	-0,29 -0,39
Послеложные слова	<i>Марат и я</i> <i>я и Марат</i>	-0,19 -0,44	-0,43 -0,43	0,07 -0,13	-0,33 -0,44

Таблица 5. Результаты эксперимента на оценку для сочинения двух личных местоимений (ненормализованные и нормализованные оценки).

<i>я и ты</i>	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
Без согласования	1,42	2,08	1,89	2,89
Второй конъюнкт	1,63	1,79	1,53	1,55
Дефолтное (3Sg)	1,71	1,66	2	3,05
Первый конъюнкт	1,71	1,55	1,53	3
Сочинение	1,34	1,97	1,76	3,5

<i>я и ты</i>	NOM NOM	NOM GEN	GEN NOM	GEN GEN
Без согласования	-0,69	-0,21	-0,36	0,29
Второй конъюнкт	-0,54	-0,47	-0,63	-0,7
Дефолтное (3Sg)	-0,53	-0,54	-0,3	0,37
Первый конъюнкт	-0,48	-0,6	-0,6	0,38
Сочинение	-0,79	-0,32	-0,42	0,73

4. Выводы

Таким образом, результаты экспериментов показывают, что первый аргумент сочиненной конструкции демонстрирует явную тенденцию к употреблению в немаркированной форме. Тем не менее, если первым аргументом является личное местоимение 1-2 лица, в половине случаев носители выбирают для него форму генитива. Кроме того, носители отдают предпочтение притяжательному согласованию по 3 лицу, вне зависимости от того, демонстрирует ли значение 3 лица один из конъюнктоў, что позволяет говорить о выборе дефолтной модели согласования.

Экспериментальные данные выявляют целый ряд синтаксических свойств, которые объединяют послеложные конструкции с именными изафетными конструкциями. В частности, корреляция между выбором генитива зависимого и согласуемой притяжательной формой послелога, с одной стороны, и выбором немаркированной формы зависимого и несогласуемой притяжательной формой, с другой стороны, отражает противопоставление изафетных конструкций 3 и 2, соответственно. Таким образом, процесс грамматикализации послеложных слов еще не завершен. Полученные результаты позволяют охарактеризовать вариативность в синхронном срезе языка, а также предоставляют материал для усовершенствования систем морфологической и синтаксической обработки текстов на татарском, чтобы они наиболее полно охватывали актуальное языковое поведение носителей.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 18 18 00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Авторы выражают искреннюю благодарность Д. А. Зариповой и А. М. Галиевой за неоценимую помощь в подготовке материалов для экспериментального исследования.

Библиография

- Лютикова, Е. А., & Перельцвайг, А. М. (2015). Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность. *Вопросы языкоznания*, 3, 52–69.
- Закиев, М.Ф. (1993). *Татарская грамматика. Т. 2: Морфология*. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та.
- Закиев, М.Ф. (1995). *Татарская грамматика. Т. 3: Синтаксис*. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та.
- Bošković, Ž. (2009). Unifying first and last conjunct agreement. *Natural Language and Linguistic Theory*, 27, 455–496. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11049-009-9072-6>
- Bošković, Ž. (2010). Conjunct-sensitive agreement: Serbo-Croatian vs Russian. In G. Zybatow, P. Dudchuk, S. Minor & E. Pshehotskaya (Eds.), *Formal studies in Slavic linguistics: Proceedings of formal descriptions of Slavic languages*, 7(5) (pp. 31–48). Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Citko, B. (2018). Complementizer agreement with coordinated subjects in Polish. *Glossa: a journal of general linguistics*, 3(1), 124. DOI: <https://doi.org/10.5334/gjgl.588>
- Franks, S., & Willer-Gold, J. (2014). Agreement strategies with conjoined subjects in Croatian. In J. Witkos & S. Jaworski (Eds.), *New insights into Slavic linguistics* (pp. 91–115). Frankfurt am Main: Peter Lang. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-3-653-04359-4>
- Lyutikova, E. (2017). Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar. *Урало-алтайские исследования*, 25:2, 25–45.
- Lyutikova, E., & Pereltsvaig, A. (2015). The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics*, 60:3, 289–325.
- Marušič, F. L., Nevins, A., & Badecker, W. (2015). The grammars of conjunction agreement in Slovenian. *Syntax*, 18, 39–77. DOI: <https://doi.org/10.1111/synt.12025>
- Nevins, A. & Weisser, P. (2018). Closest conjunct agreement. *Annual Review of Linguistics*, AA, 1–25.
- Pereltsvaig A., & Lyutikova E. (2014) Possessives within and beyond NP: Two ezafe-constructions in Tatar. In by A. Bondaruk, G. Dalmi & A. Grosu (Eds.), *Advances in the syntax of DPs: Structure, agreement, and case* (pp. 193–219). Amsterdam: Benjamins.
- Willim, E. (2012). Concord in Polish coordinate NPs as agree. In M. Ziková & M. Docekal (Eds.), *Slavic languages in formal grammar: Proceedings of FDSL 8.5, Brno 2010* (pp. 233–253). Frankfurt am Main: Peter Lang.